

Иосиф Косинский.

Анализ, прогноз, предостережение¹²

О книге А. Зиновьева «Горбачевизм»

Автора этой книги нет нужды представлять читателям. Тема книги также не может считаться новой — о Горбачеве и его политике написано и в СССР, и на Западе предостаточно. В этом отношении столь уже много прояснилось — и на словах и на деле, — что пора подвести итог, сформулировать основные черты горбачевского курса, выдвинуть соответствующий прогноз.

Нельзя сказать, чтобы этого не делалось. Вся политика новой «разрядки», пусть с оглядкой, но проводимая Западом в отношении Советского Союза (и коммунистического Китая), базируется на позитивной оценке советологами и кремленологами «новой экономической политики» двух коммунистических гигантов, происходящей там «либерализации», всюю дающей себя знать «оттепели», зашедшей дальше, нежели так памятная многим хрущевская.

На фоне этой если не эйфории, то во всяком случае атмосферы благодного удовлетворения, доброжелательного интереса, сочувствия горбачевским начинаниям мрачным грозovým облачком выглядит серия статей Александра Зиновьева, составляющих книгу «Горбачевизм», которая только что вышла в свет в нью-йоркском издательстве «Либерти».

Одна из книг Зиновьева, посвященных проблематике коммунистического общества и в этом смысле близких его нынешнему исследованию, носит примечательное название «Без иллюзий» (Лозанна, 1979). Сильная сторона этого философа и политолога — именно в том, что он начисто свободен от всех и всяческих иллюзий, — и от марксистско-ленинской веры в «конечное торжество коммунизма», и от исторического оптимизма западных либералов, и от прекраснотушения старой российской интеллигенции («старой эмиграции» — внешней и внутренней), склонной на всех крутых поворотах истории принимать желаемое за действительное и, наконец, от надежд плюралистов-западников в нашем отечестве, приветствующих ныне горбачевскую — пусть не демократию, а всего лишь «демократизацию».

Ни тени того или иного пристрастия, предубеждения, предрассудка не легло на страницы книги «Горбачевизм». Причины и очевидные следствия событий прослежены в ней четко и без скидок на «уникальность» исторического пути России, • — прослежены, как любит подчеркивать Зиновьев, на основе «научного анализа объективных законов» развития общества. Любого общества. В данном случае — коммунистического.

«Коммунизм приходит в мир как огромное искушение, — говорит автор, — принося с собой определенное улучшение условий жизни для миллионов людей. Но в истории ничего не дается даром и не проходит безнаказанно. За те преимущества, которые приносит людям коммунизм, они должны платить. И эта плата — новая форма закрепощения со всеми ее неотвратимыми последствиями».

Горы бумаги исписаны для доказательства неэффективности советской экономики. В сот-

¹² Новое русское слово, 26.08.88, с. 5.

нях и тысячах книг прослеживается, как разрушали — и разрушили — большевики вполне жизнеспособную, а временами даже процветающую экономику России, как довели гигантскую страну с неисчерпаемыми природными богатствами до состояния перманентной экономической разрухи. Действительно, соглашается Зиновьев, «если рассматривать советскую историю исключительно с точки зрения экономической эффективности, то она будет выглядеть как цепь нелепостей и глупостей руководства. Тогда глупостью (и даже преступлением) будут выглядеть и коллективизация сельского хозяйства, и методы индустриализации страны в сталинские годы».

Но это проще и примитивнее всего — объявить Сталина вырожденком и безумцем и на этом основании трактовать оздоровление советской экономики как полный и окончательный отказ от сталинских — и вообще большевистских (ленинских, троцкистских) методов.

Между тем сталинские злодеяния были прежде всего проявлением природы реального коммунизма как такового. «Одним из величайших завоеваний коммунистического общества и его величайших соблазнов для миллионов трудящихся было (...) освобождение людей от пут собственности, при котором людям гарантировалась работа и минимальные средства существования, — отмечает А. Зиновьев. — Освобождение миллионов людей от тревог и забот, связанных с собственностью как источником средств существования». Ввиду такого принципиального отличия коммунизма от иных формаций, основанных на частной собственности, при коммунизме не приходится говорить об определяющем (базисном) характере экономических отношений. Александр Зиновьев, кажется, первый, кто взглянул в корень вещей и поставил принципиальный вопрос: что вообще это такое — «эффективность» экономики? Ответ на этот вопрос зависит от того, с какой точки зрения рассматривать ее плюсы и минусы:

«Одно дело — подходить к проблеме с точки зрения конкуренции на мировом рынке, и другое дело — с точки зрения возможности выживания в будущей войне». Ясно, что общество, внутри которого экономические отношения отнюдь не носят определяющего характера, не имеет шансов конкурировать с другими на «мировом рынке».

Притом — чисто экономических проблем ведь изначально не существует, это всегда и социальные проблемы, поэтому, говоря об экономической эффективности того или иного строя — что бы под ней ни понималось, — фактически имеют в виду в конечном счете его эффективность социальную. И вот тут-то как раз мы и сталкиваемся с сильной стороной коммунистического строя: «В наше время, — замечает Зиновьев, — одним из важнейших показателей социальной эффективности общества является степень его готовности к новой мировой войне и степень способности выжить в этой войне».

Вывод беспощаден. Не демократизацию общества поставило себе целью новое советское руководство, не повышение непристойно низкого уровня жизни народа, не расширение его прав. Главной и единственной, подлинной целью Горбачева и компании является именно повышение способности государства выжить в будущей мировой войне. Отсюда и следует исходить, рассматривая все шевеления горбачевского руководства.

Автор книги вполне справедливо — опять-таки потому, что свободен от каких бы то ни было либеральных иллюзий, — исходит из того, что война между противостоящими друг другу мировыми системами неизбежна: «Ведущие страны мира так или иначе готовятся к новой мировой войне. Пусть они имеют целью предотвратить ее. Но они не в силах предотвратить последствия этого стремления для социальной эволюции. При этом «Восток» вынужден принимать во внимание силу своего исторического врага — «Запада», должен соревноваться с ним, уподобляясь ему».

Но уподобление, то есть конвергенция, — палка о двух концах. Александр Зиновьев посылает на исторических примерах, что в уподоблении друг другу ни один из противников не должен заходить слишком далеко, иначе он «нарушит меру приспособительности», что может привести к поражению. Так, по мнению Зиновьева, нарушил эту меру гитлеризм: он «несмот-

ря ни на что, был явлением в рамках западной линии эволюции», но «в своем уподоблении сталинизму он зашел слишком далеко».

Сознают ли эту опасность «нарушения меры приспособительности» советские лидеры? Безусловно, сознают. Горбачев заходит относительно далеко по той простой причине, что после десятилетий «застоя» он не видит иного пути спасения режима. Он пытается, по выражению Зиновьева, «преодолеть специфически коммунистические трудности западнообразными, некоммунистическими методами», — и тем самым, конечно же, идет на определенный риск. Но этот риск, повторю вслед за Зиновьевым, — осознанный, и рычаги контроля горбачевцы цепко удерживают в своих руках.

Только исходя из этого и можно оценивать нынешнее развитие событий в Советском Союзе и пределы, до которых оно должно дойти. Иными словами, становится возможным уже сегодня, всего лишь на четвертом году горбачевского правления (что такое для истории эти три с небольшим года!), дать прогноз на ряд лет вперед — по крайней мере, на предстоящее десятилетие.

Свой прогноз-предостережение Зиновьев формулирует со свойственной ему четкостью и определенностью: «Горбачевские реформы суть искусственные меры, имеющие целью вызвать к жизни в стране явления, чужеродные самой природе коммунистического общества. Это своего рода социально-политические наркотики. Они способны дать некоторый временный успех. Но огромная страна не может долго жить на горбачевских «наркотиках». Их действие так или иначе ослабнет и прекратится совсем. И тогда наступит состояние, в котором советское руководство будет вынуждено дополнить политику пряника политикой кнута, гораздо более адекватной природе руководимого им общества».

Чуть ниже он еще более конкретизирует свой прогноз:

«...Советское руководство использует выигрыш времени и помощь Запада, ощутит в себе силу и уверенность, пустит в ход оправдавшие себя в прошлом специфически коммунистические методы решения специфически коммунистических проблем и обнажит свои клыки и когти.

Удержатся горбачевцы на своих постах или нет, это не играет существенной роли. Это произойдет с необходимостью законов природы. Если горбачевцы потеряют посты, это сделают их преемники».

Но в любом случае это произойдет не сразу. Чтобы, по выражению Зиновьева, «преодолеть специфически коммунистические трудности» (хотя бы частично) «западнообразными, некоммунистическими методами», нужно время. Учтем при этом, что такой процесс всесторонне тормозится рядом могучих факторов. Зиновьев резонно отмечает, что «основная масса населения (начиная от рядовых граждан и кончая руководителями на всех уровнях) будет делать все от нее зависящее, чтобы ограничить реформаторскую деятельность горбачевцев и свести ее результаты к минимуму, устраивающему всех». В этих условиях «и само горбачевское динамичное меньшинство так или иначе приспособится к обстоятельствам, и динамизм его выродится в пустую формальность. Зрелое коммунистическое общество по преимуществу консервативно» (как и любое другое стабилизировавшееся, достигшее зрелости общество, заметим в скобках).

В советских условиях «перестройка», «ускорение», «гласность», «демократизация» — всего лишь ни к чему не обязывающие лозунги-заклинания. Сколько уже таких заклинаний (начиная с печально знаменитого «догнать и перегнать!») слышали мы на своем веку! А вот природа, суть коммунистического строя остается неизменной. Она все и определяет.

Я уже упоминал, что по своему содержанию, по кругу рассматриваемых — или хотя бы просто затрагиваемых — вопросов небольшая, но исключительно содержательная, емкая книга Александра Зиновьева выходит далеко за пределы явления, которое, назвав «горбачевизмом», он вынес в заголовок. Особый интерес представляют, наряду с оценкой нынешней си-

туации в СССР и прогнозами на будущее, суждения исторического характера, встречающиеся на ее страницах.

Так, заявляя, что борьба Горбачева с засильем многомиллионной государственной бюрократии безусловно обречена на провал, Зиновьев поясняет, почему: «Семьдесят лет, прошедшие после октябрьского переворота, *И. К.*) — срок для истории ничтожный, чтобы сделать окончательные выводы о судьбе Советского Союза и его перспективах. Но этот срок вполне достаточен для того, чтобы коммунистический и социальный строй обнаружил свою сущность. И он тем более вполне достаточен для того, чтобы судить о характере Октябрьской революции.

...Октябрьская революция в России по своей социальной сущности и по своим социальным последствиям была революцией чиновничье-бюрократической. И борьба горбачевцев против бюрократического аппарата в стране, если ее принимать всерьез, есть борьба против основ коммунистического социального строя. Но вряд ли кто в Советском Союзе принимает ее всерьез.

Чтобы понять социальную сущность революции, надо понять сущность социального строя страны, который сложился благодаря этой революции. Одна из догм марксизма-ленинизма гласит, будто коммунистические (социалистические) социальные отношения не складываются в обществе до коммунистической (социалистической) революции, будто они возникают лишь после революции и благодаря революции.

Это утверждение, насколько мне известно, никем не оспаривается. А между тем оно ложно. Коммунистические социальные отношения имели место в той или иной мере во всех больших объединениях людей, существовавших достаточно длительное время в прошлой истории человечества. Они имеют место в наше время также и в некоммунистических странах Запада.

В России в результате Октябрьской революции сложились условия, благодаря которым общечеловеческие коммунистические социальные отношения стали господствующими и всеобъемлющими. Характерным признаком этих отношений является то, что все взрослые и работоспособные граждане превращаются в своего рода служащих государства... На этой основе развивается беспрецедентная в истории система власти и управления, в которую оказываются вовлеченными десятки миллионов людей».

Прошу прощения за столь длинную цитату. Но, право же, мало найдется в мировой политической литературе страниц, равных этим зиновьевским страницам по глубине и точности анализа больших исторических событий, их основополагающих признаков и последствий.

Я вовсе не хочу сказать, что мне все по душе в книге Зиновьева. Иногда он изрекает и прописные истины, без чего можно бы и обойтись. Например: «Принудительность — вот основа, цель и будущее горбачевской "революции сверху"». Но ведь, как известно, любая реформа, пусть предпринимаемая с самыми благими намерениями (и даже дающая, как выясняется в дальнейшем, наилучшие результаты), всегда принудительна и болезненна. Взять хотя бы хрестоматийный пример принудительного насаждения на Руси картофеля при Екатерине...

Не нравится мне, признаться, и сам термин «горбачевизм». В свое время В. Д. Набоков считал (вполне обоснованно) термин «царизм» «одним из гнусных выражений революционного жаргона, чуждого духу русского языка». Действительно, более в духе языка — ленинщина, сталинщина, брежневщина, горбачевщина... По-видимому, Александр Зиновьев предпочел тот термин, который звучит более «научно» (по сути — всего лишь более наукообразно).

В книге постоянно встречаются выражения: «научный подход», «правильное (научное) понимание», «научный анализ». Бесспорно, речь идет о вскрытии глубинных причин и закономерностей исторических событий и их последствий. Но то, что автор книги именуется наукой, есть всего лишь логика, способность к анализу, отсутствие предвзятости в подходе к социальным явлениям. Все это воплощается в конечном счете в трезвый, обоснованный прогноз.

Все эти свойства мышления присущи Зиновьеву и самым блестящим образом проявились в его книге. Но — какая тут наука?

Вполне допускаю, что мне возразят: а что же тогда вообще называется наукой?

Я просто хотел бы, чтобы это слово употреблялось осторожнее и умереннее. Может быть, потому, что оно до предела скомпрометировало себя в эпоху брежневщины, когда абсолютно все — и планы, и оценки прошлого, и прогнозы на будущее — преподносилось как «подлинно научное», а оказалось вопиюще несостоятельным в любом смысле.

И последнее замечание. На мой взгляд, не очень убедительны исторические примеры, приводимые А. Зиновьевым в доказательство опасности конвергенции, заходящей слишком далеко. Сама по себе такая опасность существует, спору нет. Но, думается, Гитлера («гитлеризм») погубило никоим образом не то, что «в своем уподоблении сталинизму он зашел слишком далеко, нарушив меру приспособительности. Почему не допустить, что речь идет об органичных чертах самого нацизма? Во всяком случае, применительно к Гитлеру это вопрос дискуссионный. Но, как многое у Зиновьева, и это его суждение не хотелось бы отвергать сходу: полагаю, оно заслуживает, коль скоро уж было выдвинуто, более пространной аргументации и могло бы составить тему отдельной статьи, а может быть, и книги.

Деятельность издательства «Либерти» очень неровна: среди выпускаемых этим издательством книг есть очень и очень «средние» и попросту неудачные. На сей раз издательство можно поздравить с несомненной и весомой удачей: книга Зиновьева не просто нужная и «отлично сделанная», но и вышла очень вовремя.